

Глава 1

Символ Мадрида

Мадрид, 1986 год

В кабинете дона Мигеля царила тишина. Тяжелые портьеры цвета запекшейся крови заглушали уличные звуки, пропуская лишь узкие лучи света от редких фонарей. Проникая внутрь острыми кинжалами, они вонзались в полумрак, оставляя на стенах и полу рваные световые раны. Все в нем застыло во времени, словно музейные экспонаты франкистской эпохи, где стены были выкрашены в серо-зеленый оттенок, что покрывал бронетехнику сороковых, а на одной из стен криво висел портрет Франко

в позолоченной раме. Одна из цепей давно порвалась, и теперь генералиссимус вечно смотрел вниз с немым укором.

Тереза сидела напротив него, держа в руках хрустальный бокал с коньяком. Жидкость отливала янтарем в свете лампы, оставляя на коже причудливые отблески.

— Георгий опять звонил, — тихо сказал Мигель.

Она не спеша сделала глоток, и коньяк растекся жаром в ее груди. Этот вкус был ей ненавистен — он напоминал старые кожаные перчатки, забытые во влажном погребе, но ей приходилось пить в его кабинете, потому что он не принимал отказа.

— Ваш московский друг слишком любопытен, — сказала она, ставя бокал на стол.

Дон Мигель резко ударил ладонью по столу, и бокалы звякнули в ответ. Этот стол знал больше, чем многие из тех, кто сидел за ним. Его вырубили из векового дуба в Наварре, в тридцать девятом. Столешница, отполированная до зеркального блеска, сохраняла былую гладкость, но на одном углу виднелся глубокий след от осколка, оставшийся как напоминание о бомбардировке. А под ним, если провести рукой, можно было нащупать выцарапанное: Viva la muerte[1]. Кто оставил эту надпись — стол хранил молчание.

— Он мне не друг, всего лишь вынужденный союзник, чтобы поддерживать связь с Советским Союзом. И он ин-

[1] Да здравствует смерть (*исп.*).

тересуется нашими общими партнерами, особенно теми, кто стал умирать. И почему-то ему кажется, что эти смерти слишком уж «случайные», — сказал Мигель, проводя рукой по надписи.

Тереза сохраняла спокойствие, это был не первый их разговор о тех, кто перестал быть нужен Мигелю в его бизнесе, хотя об интересе Георгия к ним она слышала впервые.

— И что вы ему ответили?

— Что несчастные случаи, к сожалению, происходят без нашего позволения. — Мигель прищурился. — Но ты же понимаешь, Георгий не дурак, он чувствует, что здесь что-то не так, и будет рыскать, как шакал в поисках добычи. Но он станет действовать осторожно, не своими руками, ведь я ему нужен. Кто, кроме меня, сможет организовать ему теневую поставку в СССР оборудования под видом апельсинов?

Тереза поднялась и медленно обошла стол, оказавшись за его спиной, наклонилась и нежно провела вверх по рукам от кистей до плеч. Ее прикосновения были легкими и небрежными одновременно, но именно они заставляли мужчин напрягаться, они были как часть старого и тщательно отточенного ритуального танца, в котором соблазн и власть были неотделимы. Кончики ногтей едва цепляли воротник, потом после короткой паузы вся ладонь опускалась на плечи, заставляя забыть все, что было до этого.

— Ты играешь с огнем, niña[1], — прошептал он, но руки уже скользнули к ее талии, сжимая и притягивая к себе.

Каждый раз она разжигала в нем те чувства, которые, как змеи в тесной корзине, то затихали, то бродили, отказываясь умирать. Отвращение и вожделение сливались в месиво, она была для него ядом и лекарством, мукой и утешением. Мигель никогда не был готов ее отпустить, ее свобода означала конец для него, Тереза была его тенью, без которой он не мог существовать. Он говорил себе, что она опасна и нельзя терять осторожность, но все равно тянулся к ней, потому что именно ее покорность разжигала в нем то, что давно угасло. Его целью было удерживать короткий поводок, поить ее дорогим вином и кормить страхом все потерять, пока одно с другим не смешается окончательно. На протяжении последних восьми лет это прекрасно работало, он видел, как она меняется, как ею овладевает жажда популярности, а в глазах появляются искры тщеславия.

Прижимая к себе, он схватил ее за волосы, вырывая шпильки, откинул голову назад и поднес губы к ее шее, точно к тому месту, где под кожей бился пульс.

— Со мной бесполезно разыгрывать этот спектакль. Ты для меня не женщина, ты монстр, которого я приручил, — прошипел он, оставляя мокрые капли на месте поцелуя. — Твои способности прекрасны. Ночь любви с тобой — и все-

[1] Девочка, девчонка (*исп.*).

го три дня до «несчастного случая». Это как нужно было насолить высшим силам, чтобы они так прокляли тебя?

Она застонала не от страсти, а от ярости, когда его зубы сомкнулись на ключице. Он оттолкнул ее так, что она едва не потеряла равновесие.

— Ты прекрасна, querida[1], но только когда я вижу результат твоей работы, — сказал Мигель, отстраняясь от нее.

На губах Терезы появилась усмешка, хищная, больше похожая на оскал волчицы.

— А кто сказал, что я уже начала? Я просто подумала… может, он ревнует? Говорят, вы делили не только бизнес, но и...

Резкий звонок телефона оборвал фразу. Мигель ответил, лицо его застыло.

— Да, я слушаю… Нет, пока ничего. Да, проверю.

Он повесил трубку и повернулся к Терезе:

— Видишь? Опять он. El muy hijo de puta[2], как будто знает, что ты здесь.

Тереза начала терять внешнее спокойствие, холодная дрожь пробежала по всему ее телу, и молния на платье чуть расползлась, открыв тонкую бледную полоску кожи между лопатками. Она сама сшила это платье — из плотного кремового жаккарда, с почти неразличимым узором переплетенных нитей. Оно плотно облегало фигуру, под-

[1] Дорогая, возлюбленная (*исп.*).

[2] Сукин сын (*исп.*).

черкивая талию и изгибы, но не оставляло ни шанса увидеть больше, чем позволено. Наверное, она ожидала, что он наконец переступит черту и запустит таймер на три дня, но он позаботился о том, чтобы этого не случилось, однажды сказав ей, что она умрет раньше, чем истечет его срок.

— Может, вам стоит меньше болтать с ним, — вернулась Тереза к разговору.

Мигель подскочил с кресла и схватил ее за горло.

— Запомни. Если Георгий узнает твою маленькую тайну, он придет за тобой, и тогда даже я не смогу тебя защитить. Теперь убирайся. Завтра Хуанито принесет новый заказ, — отрезал Мигель, указывая ей на дверь.

Тереза вышла к мраморным ступеням, спуск по которым вел прямо на аллею сада. Холодный вечерний воздух ударил ей в лицо, желая отрезвить, и она почувствовала, что, сделав еще один шаг, потеряет сознание. Но желание скорее покинуть это место привело ее в чувство. Фонари особняка отбрасывали длинные тени, она шла, опустив голову, и рассматривала, как ее ноги неуверенно ступают по гравийной дорожке. Ее мысли следовали за ней.

«Эти три дня — просто театр, а я его марионетка, которую он дергает за веревочки. Как же глупо было думать, что у меня есть шанс освободиться. А вдруг он прав? И я действительно монстр, который подчиняется своему хозяину».

Она обернулась, чтобы убедиться, что он не преследует ее.

— Нет, я не монстр. Монстры не боятся и не дрожат у двери, как загнанный зверь. Не мечтают, чтобы чьи-то руки сомкнулись у них на горле, желая закончить это все.

Рассуждая о монстрах, Тереза невольно вспомнила Хавьера, соседского мальчишку, который в детстве пугал ее.

«La Llorona[1] бродит у реки. Ищет детей, чтобы заменить тех, кого сама утопила. Услышишь ее плач — беги, niña, иначе она заберет тебя вместо своего дитя», — говорил он, подбегая к ней сзади.

Тогда, в десять лет, она не могла спать неделю и прислушивалась к каждому шороху за окном, затаив дыхание, но теперь она взрослая и понимает, что во все времена и во всех культурах люди слагали легенды, где скорбь, страх и ненависть обретали женские лица. Эти женщины, пришедшие с того света, мстили за свои страдания, но она не понимала, за что ее месть. Какая причина заставляет ее стоять за спинами мужчин, когда они любуются собой в зеркале, восхищаются новым костюмом, и делать вид, что ее нет в отражении?

В ушах зазвенело от слабости или от нахлынувшей волной памяти, и тьма навалилась всем своим весом, так что гравий под каблуками захрустел сильнее, но звук стал доноситься более приглушенно, и каждый шаг отзывался эхом. Молния на спине снова сползала, но сил поправить ее не было. Еще шаг — и ноги подкосились, и мир пе-

[1] Плачущая женщина (*исп.*) — легендарный персонаж латиноамериканского фольклора.

ревернулся, окончательно забрав контроль, который она изо всех сил пыталась сохранять.

Тереза почувствовала скамейку раньше, чем увидела ее. Упала тяжело, бесформенно, спиной ударилась о холодное кованое железо, и ей показалось, что молния расползлась до самого основания. Все произошло слишком быстро, потому что еще мгновение назад она шла и вот уже сидит, чувствуя, как холод металла пробирается сквозь тонкую ткань платья и касается кожи. Ладони упирались в скамейку, но не чувствовали поверхность, а реальность ускользала.

В следующий миг она уже была в темной комнате, напоминающей подвал, где воздух сгущался, становился липким, пропитанным неприятным, но знакомым запахом и втягивал ее в беспамятство. Стены из грубого камня покрывала плесень, над головой свисали старые бондарные инструменты, под ногами хрустели опилки, а вдоль стен стояли недоделанные бочки, стянутые ржавыми обручами. Тереза двигалась мелкими, неуверенными шагами, дрожа и путаясь в древесных стружках, а впереди на каменном полу лежало тело человека. Из темноты выступали только худые ноги с натянутой кожей, под которой проступали вены и напряженные мышцы, застывшие в неестественной позе, будто человек в последнюю секунду отталкивался от чего-то.

Тереза остановилась, взгляд скользнул по икре, пока не наткнулся на белую полосу. Сначала ей показалось, что это завязана лента, но рассмотрев внимательнее, она по-

няла: это металлический обод, плотно обвивающий ногу, похожий на те, которыми были стянуты бочки поблизости. Терезу ужаснуло то, что он был покрыт не ржавчиной, а странной белесой патиной и врезался в плоть так, что под ним проступала кровь и кусочки кожи.

Она огляделась — место казалось незнакомым, но ей о чем-то напоминала каждая деталь: бочки, стоящие вплотную друг к другу, тяжелый запах мокрого дерева и едкий кислый душок. Может, она видела это во сне? Или в отражении зеркал в своем ателье? А этот человек… Она думала о нем, спрашивая себя: сколько дней, недель, лет он пролежал здесь, пока металл не стал частью его плоти? Он звал на помощь? Кричал, пока голос не превратился в хрип? Или смирился, что никто не придет? Железо не ржавеет просто так — ему нужна влага, слезы, пот и кровь. Сколько он отдал этому обручу и кто приковал его? Может, он сделал это сам, чтобы удержать себя и не навредить кому-то другому? Спасая кого-то, обрек себя на мучения.

Ей нужно было увидеть его лицо, посмотреть в глаза. Но она боялась, что он обернется монстром, что приходит с закатом и забирает мужчин. Мгновенно появилось жгучее желание дотронуться до него и убедиться, что он мертв, или просто понять, каково это — прикоснуться к тому, что она так тщательно прятала в себе.

Она сделала шаг вперед, следом еще один, но ноги вдруг отяжелели, и паника охватила ее, она опустила взгляд, ожидая увидеть скованные обручем ноги, но они оказались свободны, только кожа была бледная и сухая.

В этот момент чья-то рука схватила ее за плечо и дернула назад.

— Тереза! Что ты здесь делаешь? — прохрипел мужской голос. — Дон Мигель не разрешал тебе здесь находиться. Ты же знаешь правила.

Мужчина встряхнул ее, проверяя, в сознании ли она.

— Где здесь?.. В подвале?.. Мне нужно увидеть. — Ее голос дрогнул, распадаясь на короткие всхлипы.

— Какой подвал? Ты с ума сошла? Ты в саду на скамейке.

Она огляделась, вокруг нее действительно был сад в усадьбе Мигеля. Тереза попыталась подняться, но пошатнулась и рухнула обратно.

— Ну-ну, полегче, девочка, — подхватывая ее, сказал мужчина.

Приходя в себя, она подняла голову, перед ней стоял Мануэль — охранник Мигеля, чья работа была — стоять на воротах и курить, пропуская приезжающих гостей. Его лицо, загорелое, с глубокими морщинами, напоминало потрескавшуюся землю, но в глазах виднелось искреннее беспокойство. Он держал ее бережно, почти ласково, несмотря на грубые, покрытые мозолями ладони.

— В таком виде ты и до ворот не дойдешь. — Он покачал головой.

В его карих глазах Тереза узнала то же добродушие, которое она видела, встречая его на рынке, где он выбирал фрукты для своей дочки.